

УДК 327, 32.019.5, 32.019.51

СОВРЕМЕННЫЙ ИСЛАМИЗМ: ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ОСТАЛЬНОГО МИРА

© 2017 г. **И.В. Шумилина***
Статья поступила в редакцию 02.02.2017.

Отделить ислам как религию с тысячелетней историей и основу своеобразной цивилизации от его искажённых ипостасей, используемых экстремистами в своих политических и корыстных целях, – это предмет устойчивого профессионального интереса многих американских исследователей. События "арабской весны", однако, заставляют их сегодня основательнее анализировать и такое становящееся всё более обычным явление в арабском и мусульманском мире, как исламизм. Что представляет собой феномен исламизма? Проявление исторической неизбежности сегодня, в момент оживления общественной активности в арабском мире, или это искусственно созданный политико-религиозный инструмент в руках радикалов и экстремистов? Большинство американских исследователей убеждены, что верно первое утверждение, а, следовательно, и в том, что исламизм может проявляться и в умеренных формах, т.е. быть феноменом, конструктивным для развития общества, способен содействовать борьбе с экстремизмом.

Ключевые слова: США, Ближний Восток, арабский мир, мусульманский мир, глобальная угроза, ИГИЛ, "Исламское государство", исламизм, радикализм, борьба с экстремизмом.

Терроризм в самых разных формах – от преступлений одиночек до злодеяний, поставленных на поток, практикуемых запрещённой в России группировкой "Исламское государство", потоки мигрантов из арабских стран в Европу – это то, что сегодня беспокоит всюду как простого человека, так и истеблишмент; то, что стало важнейшим фактором дестабилизации государственных структур, угрозой общественной безопасности многих стран мира. Все эти виды угроз на поверхности связаны с религией – исламом. Это, несомненно, так. Но "быть связанным" с этой религией отнюдь не означает "быть порождённым" ею.

Вокруг понимания этого как раз и вращается современный дискурс на самых разных уровнях: в интеллектуально-академических кругах, на уровне

* ШУМИЛИНА Инна Викторовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИСКРАН. Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3 (innashu@mail.ru).

"улицы", в экспертном сообществе и в коридорах власти. Одни – "от имени Аллаха" взрывают башни-близнецы в Нью-Йорке, что вызывает радость части "арабской улицы", как мы наблюдали это, например, в Палестинской автономии, другие – с отсылкой к тому же Всевышнему – приносят свои соболезнования и выражают сочувствие американскому народу за подобные преступления своих собратьев по религии (как делают это главы большинства мусульманских стран). Преступники кладут на заклание жизни свои и невинных людей, утверждая, что действуют "от имени и во имя ислама", а мусульманские авторитеты практически повсюду в мире в один голос твердят, что с исламом эти экстремисты "не имеют ничего общего".

Реальность такова, что дискуссии относительно различных аспектов нынешнего состояния этой самой молодой из монотеистических, авраамических религий (в сравнении с иудаизмом и христианством) ведутся не только в среде самих последователей ислама, но и вне исламских кругов. Интеллектуальное сообщество в Соединённых Штатах давно и основательно исследует феномен ислама, о чём свидетельствует впечатляющее число монографий и книг на эту тему. При внимательном рассмотрении, однако, можно выделить три основные волны интереса исследователей к данной проблематике, которые во многом объясняются и политическим императивом.

Первая волна – 1990-е годы (до 2002 г.), когда в центре внимания большинства исследователей были отличительные (от христианства и иудаизма) особенности этой религии. Востребованность такого рода работ объяснялась главным образом политическими проектами администрации Клинтона по строительству "Нового Ближнего Востока". Происходило это, с одной стороны, в условиях набиравших темпы процессов примирения арабов с Израилем, а с другой – на фоне ускорения процесса формирования арабо-американского сообщества в самих США. Наиболее многочисленные в XX столетии иммиграционные потоки арабов в США обозначились в результате двух важнейших потрясений в Ближневосточном регионе: после гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг. и разгрома армии Саддама Хусейна в ходе международной операции "Буря в пустыне" в 1991 году.

Познания особенностей ислама казались необходимым элементом политики "мягкой силы", проводившейся Вашингтоном в те годы с целью привлечения симпатий арабов по отношению к Америке и основательного закрепления политических результатов, достигнутых в первой половине 1990-х годов (мирный договор между Израилем и Иорданией, договорённости в Осло между Израилем и палестинцами, формирование арабской мирной инициативы и т.д.). Заметим, что в ряде работ того периода просматривается почти идиллический взгляд на историю данной религии, на свершения мусульман под знаменем ислама, преобладают оптимистичные оценки перспектив её адаптации к современности.

Одной из наиболее типичных работ в этом плане можно считать книгу Джонатана Блюма и Шейлы Блэр "Ислам: тысяча лет веры и мощи" [Bloom J., Blair S., 2002]. Исследование построено на развитии популярного в 1990-е годы среди сторонников данной религии посыла о том, что исламская цивилизация дала миру важнейшие (прорывные) достижения во многих областях. Наука

(особенно математика, астрономия), литература (поэзия), градостроительство и государственное устройство развивались гигантскими темпами ещё в те времена, когда христианская цивилизация, по сути, только формировалась на пространстве Евразии. Парадокс, однако, состоит в том, что с главным пафосом такого рода изданий мало кто спорит, поскольку проблема кроется в другом. Как оценить нынешнее состояние этой религии, не забывая о свершениях её адептов в прошлом, как приспособить её к сегодняшнему дню и к современным вызовам и угрозам. Или, как минимум, сделать так, чтобы эта религия стала платформой, а её последователи – участниками широкого межкультурного диалога, а не источником конфликтов и потрясений. Именно на этом сосредотачиваются усилия наиболее авторитетных проповедников так называемого умеренного (т.е. способного к адаптации, если не к реформации) направления исламского вероучения.

Вторая волна интереса к означенной теме связана с трагедией 11 сентября 2001 года. После событий 9/11 Америка начинает войну против тех, кто нанёс ей удар под знаменем ислама. И здесь принципиально важным становится отделить религию от проявлений её искажённых толкований, т.е. собственно мусульман от радикалов и экстремистов. "Америка воюет не против ислама, а против террористов под знаменем ислама" – кредо, чётко обозначенное и проговариваемое высшими чинами администрации Дж. Буша-мл.^{*} Понятно, что особый интерес исследователей фокусировался на проблеме исламского радикализма, а также на набиравшем силу феномене исламизма.

Мало кто в политическом истеблишменте США в те годы был способен проводить внятные различия между понятиями "мусульманин" – "исламист" – "радикал" – "экстремист". С определением террористов, понятно, было проще, хотя те неизменно именуют себя не иначе, как "истинные мусульмане". Приравнять "мусульманина" к "экстремисту", смешать эти понятия – в этом состояла цель лидеров террористических группировок, прикрывавшихся исламской символикой. В интересах же американских политиков было показать и доказать, что понятие "мусульманин" не эквивалентно понятию "экстремист" и тем более – "террорист". В противном случае под угрозой оказались бы и общественная стабильность, и безопасность в самих Соединённых Штатах. Этой проблеме посвящено немало книг. Одна из наиболее заметных в данном ряду – работа профессора университета Южной Калифорнии Шермана Джексона "Инициатива с целью остановить насилие" [Jackson S., 2015].

Книга примечательна тем, что в центр своего внимания автор ставит проблему раскола и размежевания в появившемся в 1990-е годы сообществе таких жёстких активистских террористических образований, как "Аль-Каида", пытавшихся использовать ислам в качестве своей идеологии. Последняя, напомним, провозгласила террористические методы борьбы главными и единственно приемлемыми для "истинных мусульман", отрицая тем самым возможность мирных путей доступа к власти в мусульманских странах. Автор

^{*} The National Security Strategy of the USA // The White House. Washington. September 2002. 31 P.

подчёркивает, что далеко не все сторонники "исламского порядка" были готовы воспринять призыв экстремистов "Аль-Каиды". Многие из них наоборот – в контексте начатой администрацией Дж. Буша-мл. войны с террором – отказывались от терроризма и провозглашали готовность освоить методы политической борьбы, что свидетельствовало о желании вписаться в существующий в арабских странах политический спектр. Об одной из таких организаций, об эволюции её методов от террора к политической борьбе, рассказывает автор данного исследования. Это египетская группировка "Джамаатислама", знаменитая своей причастностью к убийству президента Анвара Садата 6 ноября 1981 г. в Каире. Профессор Джексон, преподающий в Саудовской Аравии и в США (в частности, в Университете Южной Калифорнии он читает лекции по вопросам религии и этническим проблемам), анализирует причины отказа руководства "Джамаат" от методов террора, а также пытается понять суть политической концепции этой организации сегодня, чтобы донести это до читателей. Фактически в работе делается попытка отобразить достаточно широкую и многообразную палитру современного исламизма – политической активности организаций, связывающих свою идеологию с исламом или полностью основывающих её на этой религии.

Наконец, **третья волна** интереса к исламу и мусульманам во многом объясняется феноменом "Арабской весны", когда в ряде арабских стран (Тунис, Египет, Ливия) умеренные исламисты получили доступ к властным структурам, победив на первых в истории этих стран вполне демократичных парламентских выборах. Многим тогда (в 2011–2013 гг.) представлялось, что вынашивавшийся десятилетиями исламистский проект – в виде легализации политического ислама – начинает осуществляться, в частности, в упомянутых арабских странах. Именно тогда остро встали сущностные вопросы. Главный – однотипен ли этот проект для исламистов разных стран региона и мира? Един ли он в представлении различных исламистских группировок? Являются ли общими цели и тактика их достижения для исламистов, скажем, в Ливии и в Тунисе? Что означает – "построить общество на основах ислама и шариата"? Оставляют ли исламские традиции, Коран и шариат достойное место для жизни в этом страновом пространстве представителям других религий, этнических меньшинств и т.д.?

Известный исследователь Тарек Осман посвятил свою монографию "Исламизм. Что он означает для Ближнего Востока и всего мира" освещению этих и ряда других важных аспектов современного исламистского движения [Osman T., 2016]. Подробно описывая ситуации и условия временного электорального успеха исламистов в упомянутых странах, Осман всё же уделяет особое внимание проблеме "совместимости исламизма с современностью", с преобразованиями, которые претерпел регион Ближнего Востока в XX столетии, его воздействию на сферу общественных отношений, положение меньшинств. Автор пытается объяснить различие между идеологической (религиозной) концепцией группировок типа "Братья-мусульмане" и салафитами. При этом Осман считает, что исламизм становится важным фактором, побуждающим жителей мусульманских стран к

самоидентификации через религию в первую очередь, ставя другие критерии (социальные, культурные, образовательные) ниже в шкале ценностей. Каковы перспективы исламистов на будущее, и что это будет означать для всего региона и остального мира – об этом размышляет автор.

Т. Осман описывает, как, по его мнению, происходит в разных странах разделение между собственно исламизмом и секуляризмом, акцентируя внимание читателя на том, что авторитарные режимы часто пытаются присвоить себе легитимность, эксплуатируя популярность религии и действуя через религиозные законы и аффилиацию с религиозными институтами. При этом в мире существует множество вариаций на "поле" политического ислама, что осложняет исследование исламизма как единого политического или идеологического потока. В светской части обществ также множество разногласий – в различных социальных группах, по "поколенческому признаку". И, что не менее важно, подчёркивает автор, "когда вы смотрите на лагерь противостоящих исламизму сил, необходимо понимать, что он включает в себя течения, не обязательно светские" [Osman T., 2016].

Осман отвергает идею существования так называемого "универсального исламизма", т.е. такого, который "легко пересадить" на новое место, без учёта национального опыта. И эти "национальные формы", которые могут оказывать определённое влияние на общество в Тунисе, Марокко, Ираке, Иране, Турции и государствах Персидского залива представляют собой "работоспособные локальные модели", но оказываются нежизнеспособными при попытке "экспортировать" их в другие места даже в арабском мире.

Экономические реалии, ряд культурных переменных, а также истощение ресурсов и слишком высокая цена проливаемой крови, по мнению Т. Османа, "приведут к возникновению новых сил, которые будут пытаться объединить эти разные, отдельно стоящие сообщества".

Но более пристальный и одновременно многогранный взгляд на положение дел внутри исламистского сообщества арабских стран в контексте "Арабской весны" предлагают известные американские (а точнее, арабоамериканские) исследователи Ш. Хамид, Р. Дар и У. МакКантс (в прошлом – советник Госдепартамента по контртерроризму). В своей работе под названием "Исламизм после 'Арабской весны': между 'государством исламским' и 'государством национальным'" авторы рассуждают на эту тему [Hamid S., McCants W., Dar R., 2017].

Уже в самом названии работы отражена суть главной проблемы, перед необходимостью решения которой оказались практически все без исключения исламистские группировки Ближнего Востока. Сразу отметим, что на передний план эта проблема вышла не столько благодаря событиям "Арабской весны", сколько факту появления той самой запрещённой в России террористической группировки, узурпировавшей в своём названии словосочетание "Исламское государство". Для одной части исламистов ИГ – цель, к которой следует стремиться сейчас или на последующих этапах развития региона, а для другой – предмет для дискуссий и размышлений в силу прежде всего практической недостижимости этой цели. Недостижимости не только по внешним причинам таким, как неготовность к её восприятию

другими игроками на ближневосточном поле (секуляристами, националистами, этническими и религиозными меньшинствами), но и в связи с отсутствием должного энтузиазма или, проще говоря, наличием сильных сомнений относительно целесообразности воплощения коранической концепции исламского государства в современных условиях.

Итак, постановка проблемы такова: создание "исламского государства" (халифата) здесь и сейчас путём разрушения или перекройки границ существующих государств (эту концепцию проповедует и отстаивает ИГИЛ) или постепенные перестройка, реформатирование нынешних арабских государств (по сути – национальных, как в Европе и во всем мире) на фундаменте ислама. В случае же успеха второго (постепенного) сценария преобразований – рассматривать в будущем возможность и вероятность стирания границ между этими (уже исламизированными) государствами с целью их объединения и в конечном счёте – провозглашения единого халифата.

Важной находкой авторов можно считать предложенное ими определение так называемых "мейнстримовых исламистов". Приведём его полностью: "Мейнстримовые исламистские группы – как сами движения, так и примыкающие к ним политические партии, действующие в легальном и институциональном политическом поле, – признают понятие национального государства вестфальского типа и пользуются поддержкой значительной части населения" [Hamid S., McCants W., Dar R., 2017]. Авторы поясняют, что модельным в этом отношении следует считать организацию (ассоциацию) "Братья-мусульмане", действующую в различных странах Ближнего Востока. Исламистский мейнстрим авторы противопоставляют радикалам и экстремистам в виде ИГИЛ и "Аль-Каиды".

Описывая положение дел в ведущих исламистских организациях региона, авторы обращают внимание на новые реалии, прежде всего на смену поколений в руководстве и в основной массе последователей. Это порождает, как подчёркивают авторы книги, "поколенческий раскол" или, как минимум "поколенческое напряжение" внутри этих группировок. Зачастую это выражается в том, что молодые "львы" отдают предпочтение более радикальным методам достижения целей, чем это делали и делают их старшие наставники. Как отмечают авторы, руководители-традиционалисты "Братьев-мусульман" привыкли "придавать значение политическим, электоральным методам проникновения во власть через парламент" на протяжении периода с 1980-х по нулевые годы. Молодые же активисты "оттачивали зубы" на практике путём организации протестных демонстраций и движений после 2011 г. – с началом "Арабской весны".

С другой стороны, молодые нередко являют собой поколение блогеров, людей адаптированных к современности, причём, порой, не только к её технической стороне, но и к современным идеологическим течениям. Авторы указывают, что в Египте до свержения президента-исламиста М. Мурси (июль 2013 г.) наблюдались попытки молодых "Братьев-мусульман" создавать организации на платформе смешения исламизма с современным либерализмом. После свержения Мурси этим и другим социально-

политическим экспериментам был положен конец, на передний план вышли задачи противостояния армейским властям в стране.

Авторы сравнивают короткий период нахождения во власти "мягких исламистов" в Тунисе ("Эн-Нахда") и более активистски настроенных "братьев" в Египте. Первые изначально шли на распределение властных полномочий с ведущими светскими партиями в стране. Вторые, скорее, стремились к монополизации власти. Неудивительно, что сторонники "Эн-Нахды" произвели в мае 2016 г. ребрендинг, назвав себя партией "Мусульманских демократов", а их лидер Ганнуши даже подверг сомнению правомерность термина "политический ислам", который, по его мнению, приемлем только в условиях диктатуры или "светского экстремизма". В Тунисе же установилась подлинная демократическая система, в которую исламисты имеют все шансы вписаться через признание общих для всех демократических правил поведения. Нечто похожее происходит, по мнению авторов, и в Кувейте, хотя политический режим там, заметим, вряд ли можно назвать демократическим.

Полезной для исследователей, но, как нам представляется, лишённой какого-либо новаторства можно считать оценку авторами теоретических воззрений лидеров ИГИЛ, пока ещё имеющих возможность реализовать свои теории на практике в пределах контролируемых ими территорий Сирии и Ирака. Авторы справедливо считают, что большинство мусульман, включая исламистское сообщество мейнстрима, отвергают воззрения и практику ИГИЛ. Для умеренных исламистов главной проблемой было и остаётся осмысление отношений религии и власти в плюралистическом обществе, оценка возможностей их адаптации в контексте взаимоотношений с государством в том виде, как оно существует на сегодняшний день, т.е. с национальным государством, а не с призрачным халифатом.

References

Bloom J., Blair Sh., 2002. Islam. A Thousands Years of Faith and Power – New Haven: Yale University Press, 268 p.

Hamid S., McCants W., Dar R., 2017. Islamism after the Arab Spring: Between the Islamic State and the Nation-state – Washington: The Brookings Institution, 20 p.

Jackson S., 2015. Initiative to Stop the Violence – New Haven: Yale University Press, 169 p.

Osman T., 2016. Islamism: What it Means for the Middle East and the World – New Haven: Yale University Press; 1 edition, 328 p.

Modern Islamism: What it Means for the Middle East and the Rest of the World?

(USA ❖ Canada Journal 2017, No 4, p. 86-93)

Received: 27.11.2016.

SHUMILINA Inna Viktorovna, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khleby per., Moscow 121069, (innashu@mail.ru).

Most of American researchers are focusing their professional interest on one of the hottest issues today – how to separate Islam as religion with decades of centuries' background and basis for a featured civilization from its distortions used by extremists for their political and mercantile purposes. The implications of the Arab Spring, however, prompt them to explore the today's growing and widespread phenomenon in the Arab and Muslim world known as Islamism. Is this phenomenon to be regarded as historical imminence or as intentionally crafted political and religious tool in the hands of Radicals and Extremists? Most of the American scholars are tending to accept the earlier argument sharing the view that Islamism might be functional within the moderate expression, namely, to be constructive leverage contributing to the societal development as well as to fighting extremism.

Keywords: *USA, Middle East, Arab world, Muslim world, ISIS, Islamic State, Radical Islamism, ideology of radicalism.*

About the author:

SHUMILINA Inna Viktorovna, Candidate of Sciences (Politics), Senior Research Fellow; Vice-President of NGO "Media Against Terrorism and Extremism".